

Российский государственный гуманитарный университет

Центр типологии и семиотики фольклора

Круглый стол

«МАГИСТРАНТЫ ЦТСФ ЗА ПИСЬМЕННЫМ СТОЛОМ»

в рамках «Дней студенческой науки РГГУ-2023»

11 октября, среда, 17.30*

А.Н. Каракулов (ЦТСФ РГГУ). Как персонажи осуществляют свои функции в волшебной сказке?

В докладе мы рассмотрим проблему осуществления персонажами своих функций в волшебной сказке. Ближайший класс элементов волшебной сказки, из которых могут быть выведены поступки персонажей, это «виды функций», выделенные В.Я. Проппом в «Морфологии сказки». Чтобы такое «выведение» стало возможным, мы, прежде всего, переформулируем само понятие «вида функции» в более точных терминах, чем те, в которых описывает «виды» сам В.Я. Пропп. Для этого мы воспользуемся идеей Е.М. Мелетинского о том, что структура фольклорного мотива изоморфна предикатно-актантной структуре предложения. Мы покажем, что «виды функций» также обладают похожей структурой, то есть являются мотивами, на что уже указывал и сам Е.М. Мелетинский.

Следующим шагом мы предложим рассмотреть получившуюся предикатно-актантную структуру вида функции уже не со структурно-семиотической или системоцентричной позиции, а с противоположной ей – антропоцентричной. Рассмотрим осуществление персонажами своих функций как модель коммуникативной ситуации. В таком случае субъект предиката будет уподоблен говорящему, другие актаны, зависимые от предиката, – обстоятельствам, а сам предикат «превратится» в поступок, или действие персонажа, аналогичное действию, производимому говорящим при совершении им речевого акта. Таким образом, мы покажем, что поступки персонажей, посредством которых они осуществляют свои функции, представляют собой аналог предиката в структуре мотива по Е.М. Мелетинскому, возникающий при антропоцентричном рассмотрении данной структуры. Далее мы обоснуем возможность выделения особой группы таких поступков, а именно вербальных поступков. Для это мы воспользуемся теорией речевых актов Дж. Л. Остина и Дж. Р. Серля.

В заключение мы проиллюстрируем возможность выделения вербальных поступков персонажей как группы на примере двадцать пятой функции персонажей – «Герою дается трудная задача». Мы покажем, что ее осуществление в волшебной сказке возможно (конечно же, в рамках разобранного нами материала) при помощи двух видов вербальных поступков и соответствующих им видов речевых актов – задавания трудной задачи и ложного задавания трудной задачи.

* Круглый стол пройдет очно (РГГУ, ул. Чайнова, 15, ауд. 157) с трансляцией на платформе Zoom. Для получения пропуска (до утра 11 октября) или ссылки писать на почту eeyusupova@yandex.ru с копией на адрес centre_tsf@rggu.ru

У.А. Петухова (ЦТСФ РГГУ). Фонотактика фольклорного текста в свете силлабоцентрической концепции (на примере русской обрядовой лирики)

В докладе будут рассмотрены некоторые тактики построения обрядового текста: как и ради чего работают звуковые повторы. В качестве теоретической опоры нам послужит фоносиллабическая концепция звуковой организации текста. Согласно этой концепции, звук не существует в отрыве от слога и ритма в поэтическом тексте. Простейшей единицей звукового повтора служит фоносиллабаема, находящаяся в границах потенциального слога, а также ее варианты – фоносиллабы, которые могут образовывать контактные многоконсонантные объединения – фоносиллабические комплексы.

Выстраивание звуко-смысловой парадигмы происходит посредством установления структурно-слогового и ритмико-просодического параллелизмов – эквиритмии и эквифонии, а также метафонии, снимающей требование абсолютного параллелизма и предполагающей свободное варьирование звукового строя текста, переворачивание фоносиллабов вокруг оси-гласной, составление их новых комбинаций. Такой силлабоцентрический подход позволит описать технику порождения текста.

В обрядовой лирике мы сталкиваемся с большим вниманием к звуковой ткани текста. Вслед за Р.О. Якобсоном, О.М. Бриком, в противовес некоторым тезисам А.А. Потебни мы склонны утверждать, что часто ключевым для создания текста является именно звуковой состав слов. Например:

у васильюшки уски
сеРЕБРЯНЫ ВОЛОСКИ
лицо бело БРОВИ черНЫ
развеселые глаза
вы пожалуйста сюда

Двуконсонантные фоносиллабы CvЛ (сИл — лос — сЕл — лаз) и CvВ (вас — (аз)вас), накладываясь, образуют более крупный трехконсонантный фоносиллабический комплекс VvCvЛ (васИл — весЕл), который еще больше экстериоризует связь *васильюшки* — *развеселые (глаза)*. Звуковой параллелизм становится средством построения вторичной смысловой парадигмы. Этот же фоносиллабический комплекс повторяется в *волоски* с метафонически перевернутыми сИл — лос, таким образом задействуя другую часть строфы, стягивая весь первый стих в одно слово, как бы заключая в рамку (*васильюшки уски* — *волоски*). Таким образом, слово *васильюшка* аккумулирует в себе ассоциативные планы: *Васильюшка* — тот, у которого *развеселые глаза*, серебряны *волоски*.

Интенция к преодолению словесных границ фоносиллабическим повтором приводит к корреляции целых словесных групп. Так, композит PvPvHvVvЛ соотносит между собой соседние строки: *серебряны волоски* — (*лицо*) *бело брови черны*. Здесь действует не смысловая логика, о которой писал А.А. Потебня, приводя в пример «мирская молва — морская волна» как метафорически сходных, а звуковая ассоциация и слияние, которые, кажется, являются первичными для этого поэтического текста.

Таким же образом в народной обрядовой лирике посредством звуковой аналогии этимологизируются имена собственные (например, ТЫ И СКУЙ НАМ, [КУЗЬМА-ДЕМЬЯН], свадьбу...). Семантически выделенные имена собственные в свою очередь наполняют дополнительными значениями многоконсонантные звуковые формулы, изначально семантически пустые (например, коТОрОгО СЫНа / ТАУСЕНЬ / СЫНА кОНСТАНТИНа).

Звуковая ткань не накладывается на ритмический каркас текста, не является «бонусом» или второстепенной системой, она вместе с просодическим уровнем формирует основу стиха. Игра сходствами и контрастами, ассоциативными сближениями и варьированием по ритмико-звуковому подобию приводит к новым композиционным решениям, поиску и формированию новых уровней значения.

А.Д. Топельберг (ЦТСФ РГГУ). Мифологические образы Индии, Тибета и Монголии в позднем творчестве Н.К. Рериха: проблемы визуализации фольклорного персонажа

Картины Н.К. Рериха занимают особое место в истории искусства – в них происходит переход от классической живописи «правдоподобия» к формам обновленным и простым. Живописцы стиля модерн часто обращаются к экзотическим мотивам и героям, ищут вдохновение в других культурах: японской или древнеегипетской, античной или средневековой. Они черпают вдохновение в областях, далеких от них с пространственной или временной точки зрения. Творчество Рериха относится к модерну, но даже в этом стиле его работы сильно выделяются. Его живопись невозможно отделить от духовных концепций, которым следовал художник вместе с семьей. Центрально-Азиатская экспедиция Н.К. Рериха 1923–1928 гг., охватившая современные территории Северной Индии, Китая, Непала, Тибета, Монголии, имела антропологические цели. В ходе экспедиции художник создал множество живописных зарисовок и этюдов, которые затем переработал в полноценные полотна.

В докладе будут рассмотрены мотивы, объединяющие картины Рериха «индийского» периода, и систематизированы образы, которые появляются на полотнах художника, начиная со времени Центрально-Азиатской экспедиции. Перерабатывая эскизы, созданные во время экспедиции, художник переосмыслил некоторые мотивы. Например, уже по завершении путешествия появились работы «Ригден-Джапо» (1927 г.), «Знамя мира» (1933 г.), «Бхагаван» (1932 г.), проект фрески «Агни-Йога» (1928 г.). Гипотеза заключается в том, что, выбирая мифологические сюжеты для нового полотна, художник мог отталкиваться от одного главного персонажа, вокруг которого выстраивалась идея картины.

Е.В. Юсупова (ЦТСФ РГГУ). Шабаш и ведьмы: неоязыческие традиции в современной России

В докладе будут представлены полевые материалы, собранные на шабаше московских ведьм осенью 2023 г. Переходные периоды в течение года виккане и другие неоязычники отмечают по расписанию, которое называется «Колесо года». Колесо года – это годовой цикл из восьми праздников, которые разделяют год на восемь «отрезков». Начало каждого из них знаменуется праздником. Каждый «поворот колеса» празднуется и исследуемым сообществом, которое не ассоциирует себя с неоязычниками, но активно использует соответствующую терминологию и ритуалы.

Мабон – восьмой и последний из годовых праздников Колеса года. Праздник солнца Мабон завершает цикл года, который затем начинается заново с Самайна в конце октября. Праздник отмечается в день осеннего равноденствия (21–23 сентября) и считается временем равновесия между тьмой и светом.

Ведьмы из группы, которую изучала я, верят в силы природы и женскую энергию, занимаются йогой и телесной терапией, гадают на таро, жгут травы и окуривают пространство, у многих в волосы вплетены обереги. Большинство из них призналось, что ходит на другие женские круги, чтобы предлагать свои услуги по гаданию или вплетению оберегов. Однако этот круг для них – наиболее близкий, и материальной выгоды от этих встреч они не ищут.

В докладе я расскажу о современной неоязыческой традиции московских ведьм, а также о текстах и ритуалах, которые ведьмы исполняют во время праздников. Дополнительно я рассмотрю эмное осмысление ритуальных действий, связанных с празднованием Мабона.